



DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98

EDN: GANNIC

Научная статья / Research article

Компаративные модели и образы в марийских народных песнях

Ю.В. Полякова 

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ yulia_love95@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ компаративных (структурных) моделей и компаративных образов (семантических особенностей) сравнений, функционирующих в марийских народных песнях. Структурными компаративными моделями в анализируемых текстах календарно-обрядовых и семейно-обрядовых песен являются следующие: «существительное в именительном падеже + послелог гае / гане / гай / гаяк»; «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже»; «имя существительное в именительном падеже + послелог семен / семеняк»; «имя существительное в именительном падеже + суффикс -ла». В народных песнях наиболее продуктивны семантические компаративные модели, в которых человек или животное сравнивается с объектом окружающего мира (растительный объект: *снеге пеледыш гае ўдыр-танем кодеш* 'девушка-подруженька моя, как цветок земляники, остаётся'; зооморфный объект: *шырчык гае латик уныкам уло* 'есть у меня одиннадцать внуков, подобных скворушкам'; природно-религиозный объект: *вўташ петырыме шем ушкалет вўд гыч лекше Вўдава гае* 'чёрная корова в хлеву как Богиня-Мать воды, вышедшая из реки'; вещный объект: *чевер мўгинде гай ўдыр-танна кодале* 'как пряник расписной, осталась наша душа-подруженька'). Сравнения носят символический характер, отражают народный взгляд на мир, демонстрируют проявление языкового творчества носителей диалектной речи. Некоторые сравнения из произведений марийского устного народного творчества стали символами, национально-специфическими стереотипами.

Ключевые слова: марийский язык, марийские народные песни, сравнения, компаративные модели, компаративные образы

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: автор выражает признательность доктору филологических наук, начальнику Центра изучения уральских языков Марийского государственного университета Л.А. Абукаевой за консультационную помощь в подготовке работы.

Для цитирования: Полякова Ю.В. Компаративные модели и образы в марийских народных песнях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 88–98. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98>

© Полякова Ю.В., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Comparative Models and Images in Mari Folk Songs

Yulia V. Polyakova^{ID}

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ yulia_love95@mail.ru

Abstract. The work is aimed at studying comparative (structural) models and comparative images (semantic features) of comparisons functioning in Mari folk songs. The structural comparative models in the analyzed texts of calendar-ritual and family-ritual songs are the following: “noun in the nominative case + postposition gaye / gane / gay / gayak”; “noun in the nominative case + noun in the nominative case”; “noun in the nominative case + postposition semyn / semynak”; “noun in the nominative case + suffix *-la*”. In the folk songs of the most productive semantic comparative models in which a person or animal is compared with the object world (the plant object: *snege peledysh gaye udyr-tangem kodesh* ‘girl-girl, as the flower of strawberry, remains’; zoomorphic object: *shyrchik gae latik unycam ulo* ‘I have eleven grandchildren like skvorushka’; natural religious object: *vutash petyryme shem ushcalet vud gych lekshe Vudava gae* ‘black cow in the stable as the Mother Goddess of the water coming out of the water’; the real object: *chewer muginde gay udyr-tangna kodale* ‘as the carrot painted, left our soul-girlfriend’). The comparisons are symbolic in nature, reflect the people’s view of the world, and demonstrate the manifestation of linguistic creativity of speakers of dialect speech. Some comparisons in the works of Mari oral folk art have become symbols, national-specific stereotypes.

Key words: mari language, mari folk songs, comparisons, comparative models, comparative images

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Doctor of Philology, Head of the Center for the Study of Ural Languages of the Mari State University L.A. Abukaeva for consulting help in preparing this work.

For citation: Polyakova, Yu.V. 2025. “Comparative Models and Images in Mari Folk Songs.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 88–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98>

Введение

Устное народное творчество занимает важное место в становлении и развитии марийского литературного языка. Этот процесс особенно активно происходил в конце XIX в., когда стали целенаправленно собирать и публиковать тексты марийского фольклора. Так, в 1887 г. Ф. Васильев в свою книгу «Пособие к изучению черемисского языка» включил около 70 народных песен и 1 молитву. Особое влияние на становление литературного языка имели выпуски марийского календаря, в которых наряду с другими фольклорными текстами в каждом номере печатались и марийские народные песни. Затем появились отдельные книги народных песен. История публикации и изучения марийских народных песен с особым акцентом на гостевые песни изложена в монографии Л.А. Абукаевой «Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства» [1].

Исследователи сходятся во мнении, что марийские народные песни во всех своих разновидностях (лирические, колыбельные, трудовые, бытовые, игро-

вые, хороводные, обрядовые, солдатские) отражают философское, этнокультурное, психологическое начало менталитета в ракурсе крупнейших исторических, общественных событий в жизни этноса, а также определенных циклов времен года, человеческой жизни, трудовой деятельности. В каждой из указанных разновидностей песен функционируют изобразительно-выразительные средства, которые помимо стилистических функций выполняют роль репрезентации культурных кодов. В этом контексте особое внимание ученых привлекают образные сравнения.

В 2019 г. был издан лексикографический труд, составленный на базе Национального корпуса марийского языка, в который вошли образные сравнения, функционирующие в текстах марийского фольклора, авторские сравнения из текстов марийской литературы и публицистики [2]. Авторами «Словаря сравнений марийского языка» были представлены 176 компаративных конструкций из народных песен. Данная статья нацелена на анализ компаративных (структурных) моделей и компаративных образов (семантических особенностей) сравнений, функционирующих в марийских народных песнях на базе этого словаря, а также национального корпуса марийского языка¹.

Сравнительные конструкции занимают в языке особое место, поскольку, по выражению А.А. Потебни, «сам процесс познания, есть процесс сравнения» [3. С. 162]. В данной работе из множества определений сравнения приняты следующие. Согласно А.Ф. Прияткиной, сравнение — это художественный прием (троп), при котором образ создается посредством сравнения одного объекта с другим. Автор отмечает, что сравнение отличается от других художественных сопоставлений, например, уподоблений, тем, что всегда имеет строгий формальный признак [4. С. 197]. В.В. Виноградов указывал, что сравнение — это логический приём, с помощью которого устанавливается сходство и различие предметов, явлений объективного мира. Ученый считал, что сравнение обладает особой семантической и логической структурой, которая обусловлена его компаративным значением. В лингвистическом отношении сравнение представляет собой сложное единство значимых элементов, их особую организацию, т.е. модель или структуру [5. С. 6–31]. М.Д. Кузнец подразделяет сравнение на три составные части, но выделяет их более структурировано и обозначает более лаконично как: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и признак (модуль сравнения (общее у сравниваемых реалий) [6. С. 11]. Исследователи не единодушны в именовании одних и тех же элементов. Н.Д. Арутюнова, в свою очередь, обозначает их таким образом: предмет (то, что сравнивается), образ (то, с чем сравнивается) и признак (на основании которого и происходит сравнение первых двух) [7. С. 28]. Тем не менее заметим, что как бы по-разному ни именовались элементы сравнения, его структура восходит к одной и той же схеме.

¹ Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 04.12.2024).

Обсуждение

Сравнение в языке имеет два принципиально разных результата — установление равенства или установление неравенства.

Равенство подразумевает, что некий признак представлен у сравниваемых объектов в одинаковой степени.

В противоположность этому элементы микрополя неравенства устанавливают более высокую или более низкую степени качества по сравнению с исходной формой. Микрополю неравенства присуще «объединение сравниваемых предметов (явлений, лиц) при качественном тождестве какого-либо свойства и нетождественности количества этого свойства в этих предметах (явлениях, лицах)» [8. С. 181]. Микрополе неравенства в марийском языке представляют различные типы степеней сравнения: сравнительная степень (суффикс *-рак*), превосходная степень (слова «*моткоч*, *пеш*, *путырак*, *эн*»), также морфологические способы выражения степеней признака (суффиксы *-алге*, *-та*, *-ата*, *-ка*, *-ака*) и семантические характеристики конструкций микрополя неравенства (сравнения, направленные на описание человека или служащие описанию окружающей среды или предметов).

В исследованных текстах песен анализу подвергнуты конструкции микрополя равенства, где определенные признаки сравниваемых предметов и объектов представлены в одинаковой степени.

В марийских народных песнях выделяются следующие виды конструкций с микрополем равенства.

Сравнительные конструкции с маркером *-ла* имеют модель «имя существительное в именительном падеже + суффикс сравнительного падежа *-ла*»:

Тыйым ончем азала, йырет пörдам казала 'За тобой ухаживаю, как за ребёнком, верчусь пред тобой, как коза' [2. С. 224]; *Маке вуй шинчаже тулла койын почылтеш* 'Маков цвет раскрывается, будто огонь' [2. С. 182]; *Йогышо вудла лектын каена* 'Мы уйдём, как текущая вода' [2. С. 165]; *Кынела кушкын улына, пачашила ойыралтына* 'Как конопля росли мы вместе, как посконь расстаёмся' [2. С. 148].

Особой продуктивностью рассматриваемая модель отличается в марийских свадебных песнях, в которых с помощью компаративных конструкций создаются образы персонажей традиционной свадьбы:

Порсын ярымла сапым пыштышина 'Положили мы вожжи, как шёлковые пряди' [2. С. 301]; *Мемнан кондымо качыже моско тиякла веле коеш* 'Жених, которого мы привели, подобен московскому писарю' [2. С. 107]; *Мемнан нангайышаш удыржō шошым пеледышла веле коеш* 'Невеста, которую нам предстоит забрать, кажется весенним цветком' [2. С. 359]; *Меже толын улына да, мўкишгыла модына* 'Мы прибыли и веселимся, как пчелиный рой' [2. С. 190].

Послеложные сравнительные конструкции организованы существительным в именительном падеже + *гай* / *гае* / *гане* / *гаяк* ‘как’.

Послелог в этой модели представлен в своих вариантах. Употребление того или иного варианта зависит от ритмической организации народной песни, а также жанровой разновидности. Так, послелог *гай* в большей степени используется в коротких свадебных песнях, в частушках и в рекрутских песнях:

Ший гай волгалт илыза ‘Живите, сияя, точно серебро’ [2. С. 56]; *Ен кокла гыч ончымаште мемнан родо олма гай* ‘Как посмотришь среди людей, наша родня точно яблочко’ [2. С. 293]; *Купсолажын марийже — ўмылеш кўшў энгыж гай, Шернуржын ўдыржў — кечеш кўшў снеге гай* ‘Купсолинский жених — точно малина, созревшая в тени, сернурская невеста — точно земляника, созревшая на солнце’ [2. С. 359]; *Шале марийын ўдыржў — иреш шочшо ир олма гай, Маршан марийын качыже — лопеш шочшо лопшудо гай* ‘Девушки из деревни Шали — точно дикие яблочки, выросшие на воле, маршанские парни — точно лопухи, выросшие в низине’ [2. С. 360]; *Ой, ўдыржат-моторжат, кўын шушо мўр гай. Энгыж гай чурийжым энгыжвондо коклаш палышина* ‘Ой, девица-красавица, словно спелая ягодка. Распознали мы её малиновое личико в малиннике’ [2. С. 360]; *Мыйын изи ўдыремже — чонештен толишо суксо гай. Юмынўдыр гай пиалан лийже, Пиямбар ўдыр гай поян лийже* ‘Доченька моя точно ангел, сошедший с неба. Пусть она будет счастлива, как дочь Бога, пусть она будет богата, как дочь Пророка’ [2. С. 355]; *Чеве́р мўгинде гай ўдыр-тангна кодале, кайыше комбо гай шкеже каен колтышина* ‘Как пряник расписной, осталась наша душа-подруженька; как гуси дикие, улетели (букв. ушли) мы сами’ [2. С. 108].

Послелог *гае* в своем употреблении не дифференцируется по жанрам: он представлен и в гостевых, и в свадебных песнях, а также в частушках:

Пураже лийылден мўй гae, шонжo лийылден кўпчык гae ‘Квас подошёл по вкусу, как мёд, пена его стала словно подушка’ [2. С. 271]; *Волгыдыжым пуртышо тўрза рамем — сорта гae ужар пўнчын рўдыжў* ‘Оконная рама, пропускающая свет, — зелёной сосны стрежень, словно свечка’ [2. С. 291]; *Порсын ярым гae мемнан ўмыржат эрталалын каялеш* ‘Жизнь наша, подобная пряди шёлка, проходит’ [2. С. 364]; *Садысе олма гae налиаш ўдырем кодеи* ‘Как яблочко в саду, невеста моя остаётся’ [2. С. 355]; *Ќри мунетын йўдалам ыле гын, ўри гae чеве́р лийылдалам ыле* ‘Если бы я выпил яйцо снеги́ря, то был бы красив, как снеги́рь’ [2. С. 376]; *Мўрў пеледыи гae каче-тангем кодеи* ‘Как цветок клубники, остаётся мой дружок’ [2. С. 108].

Особенность функционирования послелога *гане* заключается в том, что он характерен для величальных гостевых и свадебных, а также сиротских песен:

Мемнан танже олма гане ‘Наш дружок точно яблочко’ [2. С. 313]; *Озан тияк гане качына улыт* ‘Ухажёры наши как казанские писари’ [2. С. 108]; *Мемнанат ўмырна эрталеш кече шичмаиш гане, йогал каялеш шыже лышташ-лай гане* ‘Жизнь наша проходит, будто солнце закатывается, осыпается, будто осенняя листва’ [2. С. 204]; *Мемнанат-лай ўмырна порсын гане ... Эртал кая пеледалие, ай, сад гане* ‘Наша жизнь будто шёлк. Проходит она как цветущий сад’ [2. С. 204]; *Лачак уло ўмбалнем шокте гане мыжерем* ‘Только есть на мне кафтан точно сито’ [2. С. 204]; *Эр кечыже легылда шўртньо гане ... Миялалын шинчалеш, ай, ший гане* ‘Солнце утром восходит, как золото, закатывается, как серебро’ [2. С. 114].

Послелог *гай* с усилительной частицей *-ак* имеет значительный выразительный потенциал за счет такого компонента экспрессивности, как интенсивность:

Шарвоч гаяк йылдырна, шовыч гаяк пеш чеве, ший шергаиш гай пеш мотор ‘Кривляется (наш дружок. — Ю.П.), как утка, красивый, как платок, изящный, как серебряное кольцо’ [2. С. 313]; *Ойырлашыже ойырлена песан вуйысо мамык гаяк* ‘Расстаёмся мы, как пух разлетается с головки осота’ [2. С. 217]; *Кушкашыже кушкынна ик тўишкесе шоган шудо гаяк* ‘Вырастать-то вырастали мы, как луковые перья в одном пучке’ [2. С. 148].

Перевод, к сожалению, не отражает добавочное модальное значение компаративной конструкции. В качестве предложения для переводчиков марийских народных песен на русский язык можно обозначить вариант перевода конструкции с союзом *словно как*. Ср.:

Шинчыше вўд гаяк шинчын кодыда, Йогышо вўд гаяк йоген каена ‘Как стоячая вода, вы останетесь, как текущая вода, мы уйдём’ [2. С. 122] и ‘Словно как стоячая вода, вы останетесь, словно как текущая вода, мы уйдём’; *Шочашыже шочынна ик пыжашысе кайык иге гаяк* ‘Родиться-то мы родились, как птенцы в одном гнезде’ [2. С. 436] и ‘Родиться-то мы родились, словно как птенцы в одном гнезде’.

Модель с послелогоми *гай / гае / гане / гаяк* ‘как’ в марийских народных песнях отличается наибольшей продуктивностью.

Послеложные сравнительные конструкции оформляются также с помощью имен существительных в именительном падеже + *семын / семянак* ‘как, словно, точно, подобно’: *Ой, чонемжат-кумылемжат порсын семын рончылтеш* ‘Ой, душа моя, душевка разматывается, словно шёлк’ [2. С. 293]; *Ожно, чеведем годом, кайык семын ылышым*² ‘В прежние годы, когда я была краси-

² Необрядовые песни // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 04.12.2024).

вой, жила, словно пташка'; *Олыкыш каен, пеледыш **семын** пелед шогааш оклий* 'Нельзя, отправившись на луг, расцвести, как цветы' [2. С. 243]; *Ожно, чеверем годым, кайык **семын** ылышым* 'Раньше, когда была я красива, жила, словно птица' [2. С. 57]; *Шырчык йылым кычалме **семын** мыйын чонем ешем-шачым вучен ила* 'Как скворушка ищет червей, так и душа моя живёт в ожидании моих близких' [2. С. 40]; *Канде кава йымалне, ужар мланде ўмбалне коштам турий **семын** шкетын* 'Под голубым небом, по зелёной земле хожу один, как жаворонок' [2. С. 421].

Послелог *семын* используется также с усилительной частицей *-ак*:

*Чевер маке **семынак** да сай йолташем, чеверын* 'Словно маков цвет да до свидания, мой друг' [2. С. 71].

Функционируют в марийских народных песнях и сравнительные конструкции с частицами *чылт / чылтак* 'будто, как, словно, как будто, точно':

*Тангем, тыйын йўкетше **чылтак** шўшпыкын гае* 'Дружок мой, голос у тебя точно у соловья' [2. С. 80].

Немаркированные сравнительные конструкции в текстах песен оформлены по двум моделям.

Первая имеет структурную схему «имя существительное + *деч / дечат / дечын* + имя существительное»:

*Ломбо гына лывырге, ломбо лывырге, ломбо **дечат** лу парнят лывырге* 'Черёмуха гибкая, черёмуха гибкая, гибче черёмухи твои (гармониста) десять пальцев' [2. С. 240].

Вариант с усилительной частицей *-ат* аналогичен рассмотренным выше моделям с частицей *-ак*.

Данная модель омонимична и другим синтаксическим конструкциям, т. е. не предназначена только для выражения значения сравнения.

Вторая модель не имеет специальных формальных показателей и организуется по схеме: «имя существительное в функции подлежащего + имя существительное в функции сказуемого»; «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже»:

ведраже лие шўдыр, вўдвараже — шонанпыл 'ведра стали звёздами, ко-
ромысло-то — радуга' [2. С. 44]; *Кенгеж лыве — шольым уло* 'Летняя ба-
бочка — брат мой младший' [2. С. 428].

Образное сравнение в марийском языке может оформляться также с помощью лексем *ушештараш* 'напомянуть', *ушагааш* 'быть похожим', *сынан* 'определённого вида', *тўсан* 'определённого цвета; с внешностью, видом, лицом':

Ты *гына-лай шинчалме шке шочшем энгыж гына огыл, мӧр тӱсан*³ ‘Сидящее здесь мое дитячко ликом не только что малина, а клубника’.

Меньшей продуктивностью в марийском языке отличаются компаративные конструкции, построенные по модели «инфинитив в функции подлежащего + имя существительное в функции сказуемого»; конструкции, осложнённые вводными словами. В анализируемом нами материале сравнения с указанной моделью не обнаружены.

Союзные сравнительные конструкции (сравнительные обороты и придаточные сравнения, вводимые с помощью заимствованного из русского языка союза *пуйто* ‘будто’ и союза *кузе*) находятся на периферии средств, выражающих значение сравнения, и в анализируемых песнях не зафиксированы.

В изученных нами текстах марийских народных песен функционируют и отрицательные сравнения:

Эр *ӱжсара лектын, ида шоно — мемнан егган сергаже лектын* ‘Не думайте, что взошла утренняя заря — это нашей снохи серьги нашлись’ [2. С. 303].

Семантические компаративные образы — это лингвистическое воплощение образности, включающее в себя все структурно-семантические виды метафоры и образного сравнения. Основой данного объединения является общность метафоры и образного сравнения с точки зрения структуры, семантики и функционирования, а также общность лежащих в их основе когнитивных процессов [9].

В основе сравнительных конструкций лежат компаративные образы, отражающие мир природы и человека. Они охватывают отношения уподобления или подобия. Отношения подобия в таких образах динамичны и субъективны, могут носить постоянный или временный характер, уподобляя субъект объекту с разнородными референциями [10].

По когнитивно-семантической направленности компаративные образы дифференцируются на три вида: антропоморфные, натурморфные и артефактные. При использовании антропоморфных компаративных образов природный, предметный или абстрактный мир наделяется чертами человеческой внешности. Для марийских народных песен эта семантическая модель сравнения не характерна.

Натуроморфные, или анималистическо-флористические (растительный или зооморфный объект), компаративные образы предполагают, что человека или какой-то предмет характеризуют путем сравнения их с явлениями природы, живыми существами:

³ Необрядовые песни // Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marnii.ru/> (дата обращения: 26.11.2024).

шинчат шеме, шоптыр гане, ала чиялтенат, ала-мо? ‘глазки у тебя чёрные, как смородина, то ли подкрасила, то ли что?’ [2. С. 407]; *шем шыже гаяк мемнан ўмыржат эрталал каялеш* ‘и наша жизнь проходит, как чёрная осень’ [2. С. 474]; *ой, энгыжше, энгыжше, йошкар тўсан солык гай* ‘ой, малинка-то, малинка, как платочек, красная’ [2. С. 472]; *изи пызыльме гай шўжарем кодаеш* ‘как куст рябинки, младшая сестра остаётся’ [2. С. 448].

Излюбленным в марийских народных песнях является образ птицы:

шырчык гае латик уныкам уло ‘есть у меня одиннадцать внуков, подобные скворушкам’ [2. С. 349]; *куку гане шке улам, куку муно гане эргым уло, кōгōрчен гане шешкым уло, таракан гане алашам уло...* ‘сам я как кукушка, сын у меня как яйцо кукушки, как голубка у меня сноха, конь мой как таракан...’ [2. С. 473].

Артефактные образы создаются при сравнении человека или объектов с тем, что создано искусственно, с помощью человека:

чевер мўгинде гай ўдыр-танна кодале ‘как пряник расписной, осталась наша душа-подруженька’ [2. С. 360]; *мемнан ўмырна эрталеш, порсын ярым гай эрталеш* ‘жизнь наша проходит, словно шёлковая прядь’ [2. С. 364]; *кыне гае шочынна, кышыл гае чумыргена, арва гае шаланена* ‘родились мы, как конопля, собираемся мы как стопка (блинов), разойдёмся мы, как мякина’ [2. С. 448]; *посто гай пошкудына кодо, тарай гай танна кодо* ‘словно сукно, соседи наши остались; словно кумач, друзья наши остались’ [2. С. 313]; *сыраже лие пелтыме ўй гай, шонжо лие шўшмўй гай* ‘пиво-то словно топлёное масло, а пена-то словно сливочное масло’ [2. С. 310].

Рассмотренные образы отражают культурно-исторические реалии, бытовой опыт народа.

Если охарактеризовать компаративные образы по источнику заимствования образа сравнения, то можно выделить сравнительные конструкции, связанные с:

– жизненными наблюдениями: *мемнанат мырна эрталеш кече шичмаш гане, йогалў каялеш шыже лышташ-лай гане* ‘жизнь наша проходит, будто солнце закатывается, осыпается, будто осенняя листва’ [2. С. 303];

– внутренним состоянием человека: *мыйын чонем тул гане, савыренак отыл дыр?* ‘душа моя горит огнём, не заморозил(-а) ли ты меня?’ [2. С. 381];

– физиологией (внешностью, возрастом): *тыйым ончем азала, йырет п рдам казалаō* ‘за тобой ухаживаю, как за ребёнком, верчусь перед тобой, как коза’ [2. С. 224]; *луй гай шеме ме улына, луйла модаш толын улына* ‘мы смуглые, словно куница, и приехали мы играть (свадьбу), словно куница’ [2. С. 402];

– мифологией: в таш петырыме шем ушкалет — *в д гыч лекше В дава гае* ‘чёрнаяў ў ў корова в хлеву как Мать воды, вышедшая из воды’ [2. С. 354].

Заключение

Анализ компаративных моделей и образов в марийских народных песнях позволяет осуществить семантическое описание народного языка, в результате которого высвечиваются особенности сознания марийского народа.

Так, в рамках данной статьи представлены структурная и семантическая классификации сравнительных конструкций в народных марийских песнях. Наиболее частотными структурными компаративными моделями среди выделенных в ходе анализа сравнительных конструкций в 176 примерах фольклорных песен оказались следующие: «существительное в именительном падеже + послелог *gae / гане / гай / гаяк*»; «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже»; «имя существительное в именительном падеже + послелог *семын / семынак*»; «имя существительное в именительном падеже + суффикс *-ла*». Среди проанализированных текстов наиболее часто используемыми являются семантические компаративные модели, в которых человек или животное сравнивается с объектом окружающего мира или с природно-религиозным, физиологическим объектом. Отличаясь наглядностью, яркостью, такие сравнения служат показателем образности, выразительности народной речи и являются образцом для авторских сравнений в художественных произведениях.

Перспектива исследования связана с анализом и расшифровкой культурных кодов, заложенных в компаративных конструкциях.

Список литературы

1. *Абукаева Л.А.* Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства : монография. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2023.
2. *Словарь сравнений марийского языка / сост. Л.А. Абукаева, А.В. Чемышев, А.А. Митрускова.* Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019.
3. *Потебня А.А.* Полное собрание сочинений. Том 1. Харьков : Гос. изд-во Украины, 1926.
4. *Прияткина А.Ф.* Сравнительный оборот // *Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова.* Москва : Дрофа, 1997. С. 197.
5. *Виноградов В.В.* Стилистика. Поэтика. Теория поэтической речи. Москва : Просвещение, 1963.
6. *Кузнец М.Д.* Стилистика английского языка. Ленинград : Учпедгиз, 1960.
7. *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // *Известия АН СССР.* Т. 37, № 4. 1978. С. 28. EDN: YKCOPT
8. *Казанцева И.В.* Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005. EDN: NNODLP
9. *Кочешкова И.Ю.* Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. EDN: NNIYHJ
10. *Замай С.Ю.* Функционально-семантическая категория компаративности и средства её репрезентации в русском и английском языках // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение.* 2008. Вып. 6. С. 93–96. EDN: JENETO

References

1. Abukaeva, L.A. 2023. *Mari guest songs in the context of hospitality traditions: a monograph*. Yoshkar-Ola: Publishing House “Mari Book Publishing House.” Print. (In Russ.)
2. Abukaeva, L.A., Chemyshev, A.V., and A.A. Mitruskova. 2019. *Dictionary of comparisons of the Mari language*. Yoshkar-Ola: Publishing house “Mari Book Publishing House.” Print. (In Russ.)
3. Potebnya, A.A. 1926. *Complete works*, vol. 1. Kharkiv: State Publishing House of Ukraine. Print. (In Russ.)
4. Priyatkina, A.F. 1997. “Dictionary entry ‘Comparative turnover’.” In *Russian language. Encyclopedia*. Moscow: Drofa. P. 197. Print. (In Russ.)
5. Vinogradov, V.V. 1963. *Stylistics. Poetics. Theory of poetic speech*. Moscow: Prosveshchenie publ. Print. (In Russ.)
6. Kuznets, M.D. 1960. *Stylistics of the English language*. Leningrad: Uchpedgiz publ. (In Russ.)
7. Arutyunova, N.D. 1978. “Functional types of linguistic metaphor.” *Izv. USSR Academy of Sciences*, vol. 37, no. 4, pp. 28. EDN: YKCOPT Print. (In Russ.)
8. Kazantseva, I.V. 2005. *Functional and semantic field of comparativity in the Mari literary language*: dissertation of Candidate of Philological Sciences. Yoshkar-Ola. EDN: NNODLP Print. (In Russ.)
9. Kocheshkova, I.Y. 2004. *Comparative tropes as a reflection of the author’s worldview in the work of J. Fowles*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Barnaul. EDN: NNIYHJ Print. (In Russ.)
10. Zamaï, S.Y. 2008. “Functional and semantic category of comparativity and means of its representation in Russian and English.” *Bulletin of the Adygea State University*, no. 6, pp. 93–96. EDN: JENETO Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Полякова Юлия Владиславовна — аспирант кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. им Ленина, д. 1. ORCID: 0009-0000-5154-5674. E-mail: yulia_love95@mail.ru

Bio note:

Yulia V. Polyakova is a postgraduate student of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-5154-5674. E-mail: yulia_love95@mail.ru